

Глава 21

В понедельник, стоило Ли Жуну войти в класс, как несколько одноклассников, чьи семьи были связаны с исследовательским институтом «Хунсо», тут же одарили его трудноописуемыми взглядами.

Особенно усердствовал Цуй Минъян. Он и раньше презирал Ли Жуну, но после недвусмысленного предупреждения Цэнь Сяо не решался проявлять враждебность открыто. Теперь он то и дело бросал на юношу гневные взоры, но стоило тому обернуться, как Цуй тут же отводил глаза. Видя, что ничего не произошло, он смотрел снова. Со стороны это выглядело нелепо и жалко — он напоминал суетливого шута, который сам не знает, какую роль играет.

А вот Цзянь Фу, напротив, притянуло к столу Ли Жуну словно мощным магнитом.

Его лицо так и сияло от плохо скрываемого ехидства. Дождавшись, пока Цэнь Сяо уйдет, парень по-дружески толкнул собеседника плечом:

— Ну ты даешь, староста! Говорят, Мать Сун буквально позеленела от злости, а гостей будто мухами накормили — все разбежались под первыми попавшимися предложениями, даже торга не дождались. Всё-таки есть свои плюсы в том, когда тебе нечего терять: можно позволить себе любую выходку. Моё почтение! Слушай, пока Брата Сяо нет, колись — как он отреагировал?

Ли Жун поставил на стол купленную по дороге овсяную кашу в бумажном стакане и неспешно вставил в него трубочку.

— Он? — юноша едва заметно усмехнулся. — Пожалуй, он был рад моему признанию. Всё-таки это случается не каждый день.

Цзянь Фу бросил взгляд на пустующее место Цэнь Сяо и тихо прыснул:

— Не знаю, как там насчет радости моего брата, но в Третьем районе все просто в восторге. Его отец обычно ходит с таким лицом, будто на похоронах, вечно суров и серьезен. А тут — такое событие в семье! Хоть какая-то радость для людей.

Ли Жун отхлебнул кашу и с трудом заставил себя проглотить её.

Он искренне ненавидел овсянку, особенно теперь, когда обожженный кофе язык еще не зажил. Вкус почти не чувствовался, и еда казалась горьким лекарством.

Но ради больного желудка приходилось терпеть.

Дождавшись, пока теплая жидкость скользнет по пищеводу, он как бы невзначай спросил:

— Неужели новости разлетелись так быстро? Насколько я помню, из Объединенной палаты там никого не было.

Семья Сун поднялась на торговле, и их успех во многом зависел от покровительства «Хунсо». Иными словами, в свое время они выбрали сторону ученых, и все их связи, ресурсы и друзья были сосредоточены именно там.

Вероятно, крах Ли Цинли и Гу Нун напугал их. Поняв, что нельзя класть все яйца в одну корзину, Мать Сун начала активно обхаживать Сяо Мужань, надеясь пролезть в круги Объединенной торговой палаты. Бизнес есть бизнес, и какая разница, на чьей ты стороне, если это приносит прибыль? Вступление в «Ланьшу» означало лишь дополнительные взносы, но взамен давало поддержку и доступ к новым рынкам.

Собеседник искренне удивился вопросу:

— Конечно, быстро! Дурные вести всегда летят впереди ветра. Ты хоть представляешь, как в «Ланьшу» любят смаковать скандалы «Хунсо»? Это обсуждают жарче, чем годовые премии.

Ли Жун отставил стакан и посмотрел на Цзянь Фу. Его улыбка стала чуть шире.

— Да, я представляю.

Родители Цзянь Фу заведовали Первым районом, который курировал интернет-технологии. Там знали не только о крупных событиях, но и о самых незначительных сплетнях.

В прошлой жизни, в доме Цэнь Сяо, Ли Жун видел, как в рабочем чате Цзянь Фу кто-то скинул новость о том, как одна из корпораций решила «заморозить» карьеру восходящей звезды. И этой звездой был Линь Цинь.

— В общем, теперь ты знаменитость в «Ланьшу», — продолжал Цзянь Фу. — Думаю, Председатель Цэнь в ближайшие дни выучит твое имя так, что сможет написать его даже с закрытыми глазами. Ха-ха!

Дело семьи Ли наделало много шума, но в основном обсуждали его родителей. Несовершеннолетний школьник для сильных мира сего был пустым местом — многие даже не знали, сын у Ли Цинли или дочь. Но после выходки Ли Жуна образ «прекрасного безумца», сына великого ученого, прочно запечатлелся в их памяти.

Улыбка Ли Жуна медленно угасла. Он опустил голову, сосредоточенно глядя на соломинку в стакане, скрывая выражение глаз.

— Если в Третьем районе такое оживление... значит, и в Четвертом уже в курсе?

Четвертый район «Ланьшу» управлял новыми технологиями. Чтобы расширить влияние, их председатель не только массово закупал зарубежные разработки, но и основал фонд «Ангел» для поддержки частных лабораторий.

В некоторых областях западные технологии развивались быстрее, и готовые продукты, наводнившие рынок, душили проекты «Хунсо», в которые вкладывались огромные деньги. Четвертый район оправдывался лозунгом «выживает сильнейший», но на деле ради сиюминутной выгоды уничтожал пространство для отечественной науки.

В то время как другие районы «Ланьшу» зажигали перед Четвертым красный свет, тот умудрился стать самым быстрорастущим и прибыльным в Объединенной палате. Больше денег — лучше условия, а значит, и больше талантов. Этот порочный круг лишь укреплял их мощь.

«Хунсо» требовал замедлить импорт, чтобы дать отечественным исследователям время, но Четвертый район, живший за счет этого, и слышать ничего не хотел. Вражда между ними, зародившись много лет назад, с каждым поколением становилась только острее.

Цзянь Фу не упустил возможности блеснуть знаниями:

— Естественно! Мой отец вчера болтал с Президентом Ху, и тот сам завел об этом разговор. Они с заместителями отца еще шутили, что надо бы подразнить Председателя Цэня по этому поводу.

Президент Ху — Ху Юймин, глава Четвертого района. Из-за управления самыми богатыми активами и своей солидной, дородной внешности он пользовался огромным уважением, и даже Цзянь Фу, подражая родителям, называл его по титулу.

— Ху Юймин... — Ли Жун на мгновение задумался, легонько постукивая пальцами по стакану. Он еще раз повторил это имя про себя.

В прошлой жизни он работал в «Хунсо» под началом знаменитого профессора Цзян Вэйдэ. Тот был человеком старой закалки, преданным науке и своей фракции. О Ху Юймине Профессор Цзян отзывался исключительно дурно, называя его корыстолюбцем, который видит только цифры прибыли и палец о палец не ударит ради проекта, не приносящего мгновенных денег, будь тот хоть трижды полезен для народа.

Из-за этого у Ли Жуна сложилось предвзятое мнение о Ху Юймине, хотя лично он видел его лишь раз, издалека, на каком-то выступлении.

Работая с Цзян Вэйдэ над проектом GT201, содержание которого было строжайшей тайной, Ли Жун был близок к успеху. Но именно тогда он получил отравление в кабинете опасных препаратов.

Теперь он невольно задавался вопросом: всё ли было чисто внутри самого «Хунсо»? Не скрывал ли кто-то намеренно правду о гибели его родителей?

Ли Жун пошарил в рюкзаке, достал шоколадную конфету с ликером, которую прихватил с банкета в выходные, и бросил её Цзянь Фу, застывшему у стола в ожидании подробностей.

— Значит, Ху Юймин теперь знает, что я сын Ли Цинли? — спросил он с напускным любопытством.

Цзянь Фу отвлекся на яркую обертку и, не задумываясь, ответил:

— Раньше вряд ли знал, но теперь — точно. Ты ведь во всеуслышание заявил, что собираешься войти в семью Брата Сяо! О, а это что?

Он повертел конфету в руках, брезгливо поморщился и бросил её обратно Ли Жуну.

— Эта марка жутко приторная, я такое не ем. Зачем ты её купил? Ты что, нормального шоколада никогда не пробовал?

— Не хочешь — не ешь, — Ли Жун равнодушно смахнул конфету на край стола.

Цзянь Фу опешил. Он иногда совершенно не понимал этого парня. Репутация в руинах, за душой ни гроша — откуда столько дерзости? Он вел себя так не только в классе, но и перед взрослыми на дне рождения Юаньюань.

Юноше даже на миг показалось, что Ли Цинли и Гу Нун живы, их дело вот-вот пересмотрят, а самого Ли Жуну назначат директором института.

— Пф, больно надо, — буркнул Цзянь Фу. — Если бы не мой брат, я бы тебе и слова не сказал.

— Тогда пусть твой брат мне и говорит, — небрежно отозвался Ли Жун.

Для такого ученика, как Цэнь Сяо, вечно замыкающего список успеваемости, опоздания и прогулы были делом обыденным. Настолько обыденным, что школа даже перестала звонить его родителям.

Ли Жун осторожно допил кашу. Чувство сытости пришло, но удовольствия от еды он не получил ни на йоту.

В класс вошла Ян Фанфан. Стук её каблучков эхом отразился от стен. Она окинула комнату строгим взглядом и принялась раздавать указания:

— Хэ Лу, доска грязная, посмотри, сколько мела по краям осталось. Ян Мэн, ты подметала в последнем ряду? Бумажки так и валяются. Ли Жун, зайди ко мне в кабинет.

Закончив, она внимательно посмотрела на Ли Жуну, затем перевела взгляд на пустующее место рядом с ним и тяжело вздохнула.

Юноша поднялся и последовал за ней. В коридоре было зябко — из-за отсутствия солнца температура здесь казалась ниже, чем на улице. Пока они шли, Ли Жун всё глубже прятал лицо в высокий воротник куртки. К тому моменту, как они достигли двери кабинета, Ян Фанфан обернулась и увидела лишь его внимательные глаза, выглядывающие из белой ткани.

Она на мгновение замерла, не зная, как реагировать. Ли Жун же взглядом указал на полуоткрытую дверь:

— Учитель, проходите же.

— Хорошо, — пробормотала она, хотя это был её собственный кабинет.

Ли Жун заметил, что каждый раз, когда Учитель Ян хотела поговорить с ним серьезно, она плотно закрывала дверь, словно боясь лишних ушей. Она положила сумку с конспектами, достала салфетку и принялась протирать свои толстые линзы. С приходом холодов очки постоянно запотевали. Она протерла их один раз, но дымка появилась снова.

— Вот выпущу ваш класс и обязательно сделаю операцию на глазах, — пробормотала она.

Ли Жун высвободил голову из воротника, откинул со лба прядь волос и не удержался от совета:

— Подождите пару лет. Скоро появятся более совершенные технологии.

Ян Фанфан замерла и искоса взглянула на него:

— Разумеется, чем больше ждешь, тем выше уровень технологий. Думаешь, я этого не понимаю?

Ли Жун лишь загадочно улыбнулся:

— И то верно.

Он имел в виду технологию, которая практически не травмирует ткани глаза, но объяснить не стал.

Учительница откашлялась и перешла к делу:

— Мне нужно кое-что с тобой обсудить. У школы есть квоты на прямое зачисление по программе «Выдающиеся таланты». Ты — первый в рейтинге школы, и по закону это место должно принадлежать тебе.

Ли Жун слушал молча, сопоставляя события с тем, что помнил из прошлой жизни. Тогда он сдавал экзамены на общих основаниях, набрал высший балл в провинции и поступил на биохимический факультет Университета А.

Видя его серьезное лицо, Ян Фанфан невольно почувствовала укол жалости. Видимо, ей было неловко, потому что она отвела взгляд и принялась наводить порядок на столе, стараясь говорить как можно будничнее:

— Это зачисление требует сдачи письменных тестов и прохождения интервью в конце февраля. В твоих способностях я не сомневаюсь, ты пройдешь их без труда. Но есть одна загвоздка... Списки подаются на утверждение в Университет А, и там проводят проверку. Хм... семейный бэкграунд — один из критериев. Боюсь, ты можешь не пройти этот этап.

Она замолчала, подбирая слова.

— Я вот что думаю. Твои результаты стабильны, ты и без льгот легко поступишь в Университет А по результатам общего экзамена. Может, уступишь это место Цуй Миньяну? Он второй в списке. Я хочу, чтобы вы обсудили это. Наладите отношения, он будет тебе должен, а такая связь в будущем может оказаться полезной.

Ян Фанфан говорила осторожно, стараясь смягчить углы, но как ни старайся, для Ли Жун это звучало жестоко. На закрытых совещаниях в школе уже решили: даже если он блестяще справится с тестами, любой анонимный донос во время проверки приведет к аннулированию заявки. И чем давать ему ложную надежду, лучше сразу всё прояснить, чтобы избежать лишнего шума.

Она считала, что намекает достаточно прозрачно: сейчас Ли Жуну нужны деньги, и услуга влиятельной семье Цуй могла бы решить многие его бытовые проблемы.

Ли Жун наклонил голову и посмотрел ей в лицо. В его глазах не было ни обиды, ни гнева.

Кажется, в прошлой жизни он уже слышал нечто подобное, но те воспоминания были размытыми. Он даже не помнил, согласился тогда или нет. В то время он был слишком раздавлен горем, и его мало что интересовало, кроме самого факта выживания. Мир обрушил на него столько злобы, что он даже не знал, кого именно ненавидеть. Позже он всё равно поступил в университет, пошел по стопам родителей, и та маленькая несправедливость просто стерлась из памяти.

Но то, что в семнадцать лет не вызвало и ряби на воде, в двадцать три обернулось сокрушительной волной ненависти. Теперь, вернувшись назад, он не собирался отдавать ни крупинцы того, что принадлежало ему по праву.

— Нет, — спокойно ответил Ли Жун.

— Учитель понимает, что тебе обидно, — поспешила добавить Ян Фанфан. — Я не требую ответа сию минуту. До февраля еще много времени, подумай хорошенько.

Но реальность была сурова: если он дойдет до этапа проверки и его кандидатуру снимут, школа просто потеряет одну квоту.

Ли Жун усмехнулся, засунув руки в карманы куртки, и озорно пожал плечами:

— Я понимаю позицию школы. Но эта квота — моя. И даже если она пропадет впустую, она всё равно останется моей. Я не отступлю.

Его тон казался игривым, но в глазах не было ни тени шутки.

Воздух в кабинете словно загустел, превратившись в тяжелую, вязкую массу. Удушливое ощущение нарастало с каждой секундой. Ян Фанфан на мгновение увидела в нем нечто пугающее — холод, не свойственный подростку. Это было похоже на лезвие, скрытое в тени: пока его не трогаешь, оно безопасно, но стоит проявить неосторожность, и оно нанесет смертельный удар.

Она вздрогнула, но стоило ей поправить очки и всмотреться снова, как видение исчезло.

Ли Жун надул щеки и улыбнулся:

— Если школа создаст такой прецедент и превратит льготные места в предмет торга, боюсь, будет трудно объяснить это остальным ученикам.

Теперь настала очередь Ян Фанфан молчать. Ли Жун попал в самую точку. Репутация Школы А строилась на принципах честности и равенства, и заставить его отказаться от места силой они не могли — только по его собственной воле.

— Если у вас больше нет вопросов, я пойду, — сказал Ли Жун.

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверь и вышел в коридор. Пройдя несколько шагов, он вдруг замер.

Цэнь Сяо стоял у перил, небрежно прислонившись к ним спиной. В руках он держал официальный приказ школы на фирменном бланке.

С этим важным документом он обращался как с безделушкой — свернул его в трубочку и легонько постукивал им по стальному поручню. Место он выбрал удачно: скудный зимний свет из светового колодца едва достигал коридора, но один яркий луч всё же падал на перила, заливая пол золотом.

Цэнь Сяо стоял в этом свете, и даже его волосы казались отлитыми из золота.

Ли Жун сощурился и насмешливо спросил:

— Меня ищешь?

Цэнь Сяо взглянул на него, перестал стучать свернутой бумагой и бросил её Ли Жуну.

— Пришел занести бумаги Старушке Ян.

Ли Жун деланно удивился, не упустив возможности подколоть его:

— Так обращаться со школьными документами... Сразу видно — семья не зря спонсирует школу.

Он не стал говорить это прямо, но оба понимали правду. Обычно такие поручения выполнял староста или кто-то из отличников. Цэнь Сяо никогда не бегал по поручениям учителей — зато из-за статуса Председателя Цэня сама Старушка Ян частенько бегала к нему домой. Значит, он пришел сюда именно ради Ли Жуна.

Цэнь Сяо выпрямился, мгновенно став на полголовы выше Ли Жуна. Он вышел из круга света, сделал два шага навстречу и, помолчав, небрежно бросил:

— В этой бумажке всё равно нет ничего интересного. Зная традиции нашей школы, результат уже predetermined. И этот результат...

Он запнулся, глядя вниз. В его ладони что-то было скрыто. Ловким движением пальцев он сорвал обертку и вложил это прямо в рот Ли Жуну.

— ...никто не сможет изменить.

Ли Жун от неожиданности зажмурился и рефлекторно сжал губы.

По языку разлился сладкий вкус с терпким ароматом рома. Это была та самая конфета, которую он сам оставил на краю стола.

Медленно перекатывая сладость во рту, Ли Жун развернул помятый листок.

«Уведомление Школы А о требованиях и регистрации на программу "Выдающиеся таланты"».

Ли Жун замер. Шоколад, смешанный с ликером, таял, смывая привкус пресной овсянки и оставляя во рту лишь бесконечную сладость. Цзянь Фу был крайне необъективен. Этот шоколад, пусть и не самый дорогой, был чертовски вкусным.

Ли Жун улыбнулся, чувствуя, как в уголках глаз предательски щиплет. Ему пришлось приложить усилие, чтобы подавить этот порыв. Это чувство давно исчезло — настолько давно, что он считал его утраченным навсегда. Но, как оказалось, оно всё еще жило в нем.

В следующий миг он решительно скомкал уведомление в плотный бумажный шар.

Цэнь Сяо пристально наблюдал за тем, как Ли Жун взял губами конфету, как шевельнулся его язык, а затем кадык дернулся, когда тот сглотнул. Ли Жун невольно облизнулся, слизывая остатки шоколада, и его губы в тусклом свете влажно заблестели нежно-розовым цветом.

Цэнь Сяо отвел глаза и негромко спросил:

— Что случилось?

Ли Жун поднял взгляд. Краснота в уголках глаз почти исчезла, лишь необычайный блеск выдавал его волнение. Глядя на Цэнь Сяо, он почувствовал, что тот понимает его без слов.

— Ничего особенного, — улыбнулся Ли Жун. — Просто вдруг осознал, что этот год в выпускном классе дается мне нелегко.

— Вдруг? — эхом отозвался Цэнь Сяо.

Улыбка исчезла с лица Ли Жуна. Он стал непривычно серьезным.

— Раньше это никого не заботило, да и я сам не считал, что мне тяжело. А теперь... — Он переменил тон на более легкий: — Ну и кто из нас пойдет и вручит этот комок макулатуры Старушке Ян?